

зрения. Однако и иррационализм имеет свои парадоксальные законы.

В прямом луче пристального научного интереса, казалось бы, на все можно дать ответ, но сколь бы он ни приближал нас к истине, мы будем все так же далеки от последнего Слова, ибо есть, есть нечто необъяснимое, заповедное в нашей истории, в самом нашем бытии. Оно наполнено неспадающим духовным напряжением, оно удивительно терпением народа и поражает неверностью его счастливой звезды. В те моменты, когда обществу уставало и уже совсем теряло надежду, что-то говорило: такова воля Провидения. Было и так, что кроме веры в Провидение не оставалось у русского человека ничего. На исходе пушкинской поры мы услышали этот смиренный и безнадежный вздох уходящего царственного поколения.

Пока же, в начале XIX в., общество не лишилось своих надежд на обновление. Напротив, это было ликующее время всеобщей веры в скорое благоденствие отечества. Благотворный эффект осмысленности, предначертанности бытия освящал особой метой жизнь каждого. Политический романтизм, гражданский пафос тех лет создавал атмосферу сопричастности в клятвенном служении России. Как ни просто это опровергнуть, но осмелимся сказать - то был расцвет самодержавно-дворянской России.

Однако не ради апологии самодержавия или идеализации русского дворянства мы затевали этот труд, хотя в дни смуты естественно желание отыскать в истории то золотое время, когда противоречия между людьми не переросли еще в ненависть, когда помыслы и правительства, и общества объединяло стремление к совершенствованию государства. - Утопия?

Да, в самом ближайшем рассмотрении, на расстоянии вытянутой руки, любое время видится взрывоопасным сочетанием противоречий. Но отстраненное видение все-таки позволяет указать на главное - ста-

бильность. Именно в периоды стабильности русское государство ощутимо продвигалось в своем развитии, как это было в царствование Екатерины II, Александра I и в начале царствования Николая I. Это к ним относилось известное пушкинское: "Правительство все еще единственный европеец в России".

Если русло истории прокладывают два энергетических потока - власть и общество, - то, очевидно, более сильная сторона и будет определять характер и направление течения. В России вплоть до середины XIX в. наиболее зрелой и организованной политической силой было правительство, то самое вознесенное и проклятое самодержавие.

Лидирующая роль правительства - это не просто сила власти, опирающаяся на силу армии и аппарата. Политическое лидерство - это прежде всего способность разглядеть потребности развития государства и общества и своевременно на них отреагировать. Это умная власть, это власть, предупреждающая взрыв противоречий. Это сознательный учет и использование всех сильных и слабых сторон, особенностей психологии каждого сословия.

Практически до конца XIX в. общество не могло противопоставить верховной власти столь же организованной силы, хотя со временем соотношение "массы энергии" в потоке русской истории менялось. Власти все труднее становилось реагировать на запросы усложнявшейся жизни, а общество начинало все более трезво смотреть на венценосного Господина.

Это не значит, что до середины XIX в. самодержавие не знало серьезной оппозиции. Напротив, именно со второй половины XVIII в. начинают формироваться собственно оппозиционные тенденции, в первую очередь в кругах высшего родового и сановного дворянства.

Слабость оппозиции, неисчерпаемый кредит доверия правительству со стороны народа - все это свидетельствовало о том, что самодержавие было в силе, что

русское государство, какие бы проблемы его ни волновали, все же находилось в состоянии стабильности, что, в свою очередь, было залогом расцвета в духовном развитии русского общества.

Расцвет дворянского периода означает гуманизацию культуры и общественных отношений, повышение "цены человека". Набиравший силу с начала XVIII в., этот процесс определил потрясающую творческую активность русского общества, концентрируя интеллектуальную энергию будущего развития России, торжество "чести, ума, добродетели".

На закате золотого века в печальном осмыслении рокового крушения мечты было создано немало прекрасного и вечного в красоте своей и мудрости. Золотой век уходил, не оставляя наследников, шедший на смену безжалостно ломал и убивал души бывлых счастливицков, обитателей Парнаса. Не передал золотой век свои убеждения и идеалы, вернее, поколение интеллигенции, вышедшее на авансцену истории где-то в конце 30-х гг., пренебрегло всем наработанным и выстраданным русской историей и культурой за первые тридцать лет XIX в. Именно в "отсутствии между поколениями умственной и нравственной преемственности" (К.Д.Кавелин), хотя оно и было не случайно, даже закономерно, нам видится одна из роковых причин бесконечного российского блуждания в череде ошибок.

Итак, предмет книги - Россия периода стабильности, который парадоксальным образом совпал с переходной эпохой. И этот парадокс нас будет интересовать в первую очередь.

Русское общество конца XVIII первой трети XIX вв. стабильно в своих самодержавно-государственных формах. Это еще в большей степени традиционное добуржуазное общество, не вышедшее из рамок религиозного мировоззрения. Но стабильность и традиционность российского бытия сочетались с переходными процессами в сфере общественного сознания. Они были если не

спровоцированы, то, безусловно, стимулированы интенсивным проникновением политических, идеологических и культурных реалий Западной Европы на русскую почву, которые приписались на хорошо организованное, сильное самодержавие. Отчасти именно поэтому те идеи, которые на Западе существенно влияли на политические процессы, в России сосредоточивались в интеллектуальной сфере, определяя особенности формирования общественного сознания.

И первым здесь следует назвать процесс индивидуализации. То, чего практически не знала допетровская традиционная Русь, теперь составляло едва ли не главный показатель характера перемен в сознании русского просвещенного общества, перемен раннебуржуазных по сути. Конкретно это проявлялось в том, что наиболее актуальными и болезненными проблемами русского общества с конца XVIII в. стали права человека, с одной стороны, и религиозное самоопределение - с другой. Правда, речь шла еще о сословных правах, но уже при высказанной идее равенства всех перед законом, речь шла о поисках истинной веры и истинной церкви, но уже при прозвучавшей идее веротерпимости.

## *Часть первая*

### **"Мудрено быть самодержавным"**

Русская история не терпит однозначных оценок.

Россия своенравна и мудра, Россия самобытна и всечеловечна, Россия за что-то наказана Богом. За что? Тайна русского пути морочит умы и души уже скоро двести лет - это основная тема раздумий многих поколений и каждое дает свой ответ. Можно связать наши беды с безумной волей Петра I, можно обвинить в наших несчастьях своекорыстный Запад или, напротив, в православном настрое русской души увидеть прививку от цивилизации, но российская действительность все же не вписывается в жесткие схемы славянофилов или западников. Да, Россия самобытна, но идет она проторенными путями, и если они известны и закономерны, то ее государственность, ее вера и ее народ неповторимы и особенны. На них и остановимся.

### **Глава I. Вознесенное и проклятое**

Та искомая особенность исторического лица России не всей, но большей мерой обязана специфике русской государственности. Можно проводить (и они правомерны) бесчисленные аналогии между типом государственности Западной Европы или восточных деспотий, но бесспорно также и то, что, имея с ними определенные сходства и различия, русская верховная власть по сути

своей была неповторима. Это не следует понимать так, что все своеобразие России сводится к ее самодержавному образу правления, который, в свою очередь, и составил единственную причину ее выпадения из общего цивилизационного пути.

Направление развития сознания русского общества, в XVIII в. вступившего в полосу кризиса религиозного мировоззрения и оказавшегося перед необходимостью освоения гуманистической культуры, не есть ли свидетельство того, что Россия двигалась отнюдь не окольными путями, но уже пройденными Европой, которая на рубеже XVI-XVII вв. переживала те же содержательные процессы. Но коль скоро пути эти пролегли в ином геополитическом, историко-культурном, этнорелигиозном пространстве, то они имели свои неповторимые особенности, которые и придали России "таинственную" печать своеобразия. В решительной степени эти особенности, повторим, связаны с существом русской государственности и, в частности, с конкретным воплощением ее в границах российской империи.

Институт российского самодержавия последовательно формировался в направлении концентрации всей власти у одного человека - наследственного великого князя, царя (с Ивана IV), императора (с Петра I). Этому процессу соответствовали меры по нейтрализации и в конечном счете искоренению любых проявлений, ограничивавших власть монарха. Такими органами, можно сказать - совещательными, призванными как-то регулировать верховную власть, являлись Боярская дума и Земский собор. В отличие от аналогичных сословных собраний в государствах Западной Европы они не имели ограничительных функций. К концу XVII в. значимость этих органов практически сошла на нет.

В то время как на Западе шла борьба за становление политических и гражданских правовых институтов, Россия по мере укрепления самодержавия отдалялась от правовой государственности. Ни Земский собор, ни

удельная аристократия не в силах были обуздать деспотический порыв власти.

Историческая непричастность России к правовой государственности не означала того, что эта проблема просто снималась. Напротив, ее нерешение усугубляло социальные противоречия, деформировало естественный ход исторического развития, ибо в пренебрежении мнением оппонентов институт самодержавия, как и любая власть, терял способность к развитию, коснел. Правда, еще очень долго, вплоть до середины XIX в., власть в России осознавала свои интересы прежде, чем о своих спохватывалось общество.

Российское самодержавие не помещается в рамках упрощенно-классовой трактовки его как однозначно и внеприменно реакционной силы, еще менее оно может претендовать на роль исключительной панацеи. Самодержавие в России - это не только царь-помазанник, не только верховная власть и правительство, проводившее определенную политику, - это прежде всего еще и *самодержавная идея* как сущностное выражение царственного священного бытия и как некая абсолютная данность, имманентная русскому сознанию, вне которой общество себя не мыслило, очевидно, вплоть до середины 30-х гг. XIX в. (если не более), но именно с этих пор в мучительном напряжении начиная ее преодолевать.

Набирая зрелость в Словах, Поучениях и Завещаниях первых русских князей, в эпоху Московского государства самодержавная идея обосновывалась просвещенной мудростью русских святителей, великокняжеских духовников, митрополитов<sup>1</sup>. Последняя существен-

---

<sup>1</sup> Здесь интересно мнение Е.Н.Бутузкиной о том, что уже с XV в. московские государи осознавали богоустановленность своей власти и для ее обоснования использовали религиозно-политические теории, главным образом, византийского происхождения. См.: *Бутузкина Е.Н.* Идейные истоки и генезис учения о власти

ная правка о божественной природе русского царя принадлежала руке сподвижника и идеолога Петра Великого Феофану Прокоповичу. Затем самодержавная идея формулировалась всякий раз при очередных восшествиях на престол, многословно и торжественно, но смысл ее оставался прежним - он выражал (не всегда, может быть, искреннюю) уверенность монарха в своем священном предназначении служить благу российской империи и ее верноподданному народу.

Понимание царя как Отца русского народа и помазанника Божьего основывалось на вековой церковной традиции, согласно которой светский глава православного государства наделялся prerogативами власти священной. Так он воспринимал себя сам, так его воспринимал народ. Двойное обоснование самодержавия предполагало не только особый эффект верховной власти в России, но и особую ответственность ее перед народом, которую русские монархи хорошо осознавали. Царь, принимая власть от Бога, не только тем самым как бы получал санкцию на ее безмерность, не только выступал выражением воли Господней, но и брал христианские обязательства перед вверенным ему народом, ибо с этих пор он был обременен еще и долгом отеческой заботы о православных перед Богом. Даже когда российские императоры приняли светский стиль и сменили царское платье на костюм военного образца, и тогда идея священности власти определяла существо самодержавия.

В то же время проблема в определенной степени деликатна, во всяком случае неоднозначна. Вряд ли Екатерина I, Анна Иоанновна, даже Екатерина II или тем более Петр III, волею случая вознесенные на престол, искренне осознавали священность своей власти, хотя не исключено, что сам обряд помазничества на царство, соборное торжество коронации способствовали преодо-

лению возможного "комплекса священства власти". В XVIII в. вопрос о престолонаследии всякий раз решался весьма своеобразно и тем не менее это не только не скомпрометировало институт наследственной власти в России, но и не потревожило традиционное восприятие власти как богоизбранной. Уже применительно к Николаю I (то есть с тех пор как порядок престолонаследия упорядочился) искренность русских императоров в священном смысле власти не вызывает сомнения.

Самодержавная идея видоизменялась, так как не могло не сказаться стремление придать цивилизованный вид российской государственности, но все же и XIX век не освободился от видения царя как наместника Божия. Наиболее существенное, главным образом, парализующее влияние имела эта идея на народ.

В сознании грядущего помазанничества воспитывались наследники русского престола. Возможно, не богословские хитрости и не уроки светской политики, но именно уединенные беседы царя с наследником формировали из века в век какую-то иррациональную идею русского царства. Она плохо выражима, еще менее явлена, но ее судьбоносное значение для истории России безусловно. Наиболее полно оно отмечено в консервативной, в том числе и славянофильской, традиции. Выразители ее правы там, где пытались выявить для многих уже скрытую сущность российского самодержавия, объяснить ее объективную роль в истории, но там, где они пытались идеализировать ее, - это не могло не вызывать по крайней мере скепсиса. Наиболее известный пример - попытка Н.В.Гоголя в середине 40-х гг. заговорить слогом Иосифа Волоцкого: "Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое - быть образом того на земле, который сам есть любовь". Поэты, которым только и дано, по мнению Гоголя, прозреть высшее значение монарха, раскроют

всем, "почему государь есть образ Божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша"<sup>2</sup>.

В тоске по идиллическому единодушию царя и народа Гоголь тем не менее был прав, обозначая непреодолимую веру народа в Царя, несущего свыше данные ему качества-обязательства справедливого судьи - защитника народа. Но как ни хороша была идиллия, она, злоупотребляя верой, извечным русским терпением, уводила от решения проблемы. В заветании Гоголя отвергались право, законы, налагающие границы власти монарха, провозглашалось незыблемым в веках "кровное родство" народа с царем. Стояли 40-е годы XIX в., на престоле сидел вовсе не Владимир Красное Солнышко - оставалось родниться с Николаем I. Немудруно, что практически все просвещенное общество не приняло "Избранные места из переписки с друзьями" Гоголя, а народу они так и остались неизвестны.

Дело не только в том, что такой взгляд на самодержавие, чем далее, тем менее извинительный, уводил от цивилизованного гражданского общества - за искренней, былинной красотой утопии стояли удушливые будни деспотизма. Претворение *такой* самодержавной идеи в 40-е гг. XIX в. могло означать лишь ее профанацию. В условиях любого гнета общество развивается. Начало кризиса там, где верховная власть перестает с этим считаться, где самодержавная идея служения народу незаметно подменяется "деспотическим инстинктом" (Н.Бердяев).

Однако предъявляя самодержавию претензии подобного рода, мы повторяем презрительную мину Западной Европы. Ушедшая далеко вперед в политико-правовом развитии, она имела основания не терпеть пребывавшую в покорном рабстве Россию. Нам же, даже мера "аршином общим", непозволительно оценивать николаевскую Россию с позиций постреволюционной Ев-

---

<sup>2</sup> См.: Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1978. Т. 6. С. 222-223.